

АВТОНОМНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ПОНЯТИЙ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

**БЛОХИН
ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ**

советник судьи
Конституционного
Суда РФ, старший
преподаватель
Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»
(Санкт-Петербург),
кандидат юридических
наук

В настоящей статье рассматривается такой прием толкования Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, как автономное толкование. Автор исходит из гипотезы о том, что по своим способам и целям оно сопоставимо с конституционно-правовым толкованием, применяемым Конституционным Судом РФ. Востребованность этого инструмента рассматривается на трех примерах, затрагивающих понятия «семейная жизнь» (применение вспомогательных репродуктивных технологий), «имущество» (прекращение договора аренды недвижимости), «задержание» (помещение несовершеннолетнего под надзор). Делается вывод о том, что по многим вопросам толкование сферы действия основных прав в конституционном правосудии и в практике ЕСПЧ взаимно согласовано. Это, однако, не исключает различных оценок относительно правомерности, справедливости того или иного конкретного ограничения этих прав.

Ключевые слова: автономное толкование, конституционно-правовое толкование, приемлемость жалоб, соразмерность ограничения, семейная жизнь, задержание, имущество

1. Актуальность и границы исследования

Крупный ученый и государственный деятель В.А. Туманов одним из первых в русскоязычной литературе изложил суть автономного толкования, анализируя

понятия «уголовное обвинение» и «спор о гражданских правах», используемые в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция), устанавливающей право каждого на справедливое судебное разбирательство. «В кон-

PAVEL D. BLOKHIN

Advisor to the Judge of
the Constitutional Court
of the Russian Federation,
Senior Lecturer at National
Research University Higher
School of Economics,
PhD in Law

AUTONOMOUS INTERPRETATION OF NOTIONS IN ECHR AND RF CONSTITUTIONAL COURT PRACTICE: A COMPARATIVE RESEARCH

The present paper discusses autonomous interpretation as a method to construe the European Convention. The author proceeds from the hypothesis that it is comparable in its methods and goals with the constitutional interpretation applied by the Russian Constitutional Court. The use of this tool is examined in three examples involving the notions of “family life” (the use of assisted reproductive technologies), “property” (termination of a real estate lease agreement), and “detention” (placing a minor under supervision). Ultimately, it is concluded that the interpretation of the scope of fundamental rights in constitutional justice is largely consistent with the interpretation of this scope in the case-law of the ECHR. This, however, does not exclude various conclusions regarding the legality or fairness of a particular restriction of these rights.

Keywords: *autonomous interpretation, constitutional interpretation, admissibility of complaint, proportionality of restrictions, family life, detention, possessions*

тексте Конвенции, утверждает Европейский суд, эти понятия могут иметь иное содержание, объем и место, чем одноименные правовые понятия в национальном праве», а в основе данного приема лежит «очень свободное и, как правило, расширительное толкование Европейским судом прав и свобод и их

гарантий, предусмотренных Конвенцией (и наоборот, ограничительное толкование допустимых ограничений этих прав и свобод)»¹.

---

¹ Туманов В.А. Автономное толкование понятий в практике Европейского Суда по правам человека // Конституцион-

Другими словами, «автономное» истолкование термина или института, предусмотренного Конвенцией или Конституцией, означает придание им путем толкования (преимущественно телеологического) такого смысла, который не исчерпывается смыслами, уже заложенными в них в правовых системах стран-членов (в отраслевом законодательстве).

В дальнейшем эта проблематика не вызвала особого ажиотажа среди отечественных исследователей, хотя проф. Т.Г. Морщакова² в ряде работ проводит параллели между автономным толкованием норм Конвенции и норм Конституции РФ 1993 г. в уголовно-процессуальной сфере. Недавно появились солидные научные публикации, посвященные применению этого приема толкования Конвенции в целых сегментах правоотношений, в частности касающихся семейной жизни³ и лишения свободы⁴, а еще ранее — вопросов имущества⁵. Профессор А.И. Ковлер⁶ обращает внимание на важность, наряду с эволютивным толкованием Конвенции, доктрины автономного толкования, например в деликатной сфере семейных отношений. В общем, исследование данного вопроса пока еще трудно считать завершенным.

В подтверждение же его практической целесообразности возможно привести следующий хрестоматийный пример. В силу Закона о психиатрической помо-

щи⁷ лицо, страдающее психическим расстройством, в некоторых случаях может быть госпитализировано в медицинское учреждение в недобровольном порядке. Гарантируются ли такому лицу права, предусмотренные для «задержания» и иных случаев лишения свободы, например, требовать судебной санкции в срок не позднее 48 часов, проведения состязательного судебного процесса, компенсации вреда, причиненного незаконными действиями? Конституционный Суд (КС) РФ со ссылками на нормы международного права и практику ЕСПЧ констатировал, что «закрепленное в Конституции РФ понятие задержания носит общий характер», а не только уголовно-процессуальный или административно-правовой, и такая госпитализация в психиатрический стационар отвечает всем «сущностным признакам лишения человека физической свободы»⁸.

Автором настоящей статьи не случайно выбраны три менее очевидных примера, используемые далее для анализа содержания ключевых понятий Конвенции и Конституции: применение вспомогательных репродуктивных технологий в контексте понятия «семейная жизнь» (*family life*), расторжение договора аренды недвижимости в контексте понятия «имущество» (*possessions, property*) и помещение несовершеннолетних лиц под надзор в контексте понятия «задержание» (*detention*).

Так, именно в отношении семейно-правового статуса участников процедуры суррогатного материнства российское правовое регулирование весьма пробельно, а в частных аспектах непозволительно либерально⁹. Далее, применение общих положений об аренде и ссуде к отношениям по строительству объектов недвижимости на землях публично-правовых образований в отсутствие в законодательстве права застройки делает положение арендатора крайне уязвимым и не вполне определенным¹⁰. Наконец, такая мера, как помещение несовершеннолетних правонарушителей под надзор в специализированные центры, на прак-

ное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. № 3. С. 78–79.

² Морщакова Т.Г. Судебная речь о партии и автономное толкование понятий: правовая позиция эксперта в Конституционном Суде России // Служение праву: памяти профессора В.А. Туманова посвящается: сб. ст. М., 2017.

³ Лукашевич В.А. В защиту «Европейской семьи»: теория автономных понятий и толкование статьи 8 Европейским судом по правам человека // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека / под ред. М.Е. Глазковой, С.А. Грачевой, Т.А. Николаевой. Вып. 2. «Автономное толкование» Конвенции и «судейский активизм». М., 2016.

⁴ Агальцова М.В. Автономное толкование Европейским судом по правам человека понятий «лишение свободы», «законность задержания» и «обоснованность подозрения» // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека.

⁵ Рожкова М.А. К вопросу о понятии «собственность» в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. 2006. № 12.

⁶ Ковлер А.И. «Эволютивное толкование Конвенции о защите прав человека и основных свобод и его пределы». Выступление на Краткосрочных курсах повышения квалификации ЕУИ и Совета Европы (Москва, 10.04.2017).

⁷ Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»

⁸ Определение КС РФ от 05.03.2009 № 544-О-П.

⁹ См. об этом: Мнение судьи А.Н. Кокотова к Определению КС РФ от 27.09.2018 № 2318-О.

¹⁰ Подробный анализ см.: Бевзенко Р. О целесообразности и желательности введения права застройки в российское право // Закон. 2016. № 8.

тике зачастую преследует карательные цели, нежели цели временного размещения ребенка до его передачи законным представителям¹¹. Безусловно, техника автономного (конституционно-правового) толкования востребована и во многих иных случаях: для квалификации помещения в качестве «жилища», производства в суде в качестве «уголовного», органа, осуществляющего разрешение спора, в качестве «суда» и др.

Проследить всю линейку актов Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по каждому из указанных вопросов представляется затруднительным, поскольку, во-первых, их количество измеряется десятками или даже сотнями, а во-вторых, отдельные из них могут быть не переведены ни на один из языков международного общения. В связи с этим представляется допустимым в некоторых случаях использовать прецедентные (в которых ЕСПЧ сформулировал практику или отказался от прежней практики толкования) и последние по времени (которые свидетельствовали бы о том, сохраняет ли такая практика актуальность) постановления и решения. Особый акцент надлежит делать на постановлениях ЕСПЧ, вынесенных по делам с участием России, имея в виду не только их безусловную обязательность, но и то, что сопоставлять его подходы с подходами Конституционного Суда РФ в этом случае было бы корректнее.

Что же касается решений КС РФ, то в отсутствие его постановлений непосредственно по рассматриваемым ниже вопросам кажется вполне уместным апеллировать к развернутым определениям с позитивным содержанием. Они выносятся по докладу судьи после детального изучения дела, включая изучение позиций государственных органов и ученых, и содержат подобие конституционно-правового блока в начале мотивировочной части, а также важные правовые позиции в конце ее. Поэтому есть основания полагать, что такие решения иногда прямо содержат или подразумевают автономное, конституционно-правовое толкование затронутых в них положений. Указанные определения датированы самое раннее 2002-м, а самое позднее — 2018 г. и полностью сохраняют свою актуальность.

¹¹ Примеры см.: Губенко А.В. Судебная практика по делам о помещении несовершеннолетних в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 6.

2. Понятие «семейная жизнь» и вспомогательные репродуктивные технологии

2.1. В постановлении от 22.04.1997 по делу «X., Y. и Z. против Соединенного Королевства» (жалоба № 21830/93)¹² ЕСПЧ впервые столкнулся с проблемой отказа государства признать отцовство транссексуала, законно сменившего женский пол на мужской, в отношении ребенка, рожденного женщиной, с которой он состоял в отношениях, путем искусственного оплодотворения анонимным донором.

В отношении наличия семейной жизни между X. (партнером) и Z. (ребенком) заявители утверждали, что они ведут совместный образ жизни, тогда как власти настаивали, что они не были связаны между собой по крови или в силу брака, не являлись приемными отцом и ребенком соответственно. ЕСПЧ тем не менее отметил, что «X. участвовал в процессе [искусственного оплодотворения] и вел себя как „отец“ Z. во всех отношениях с момента ее рождения», и признал наличие семейной жизни между всеми тремя заявителями (§ 36–37). Он также подчеркнул, что вопрос касался именно признания государством отцовства, а не возможности перемены пола как такового, в связи с чем Суд и рассматривал факты дела через призму «семейной», а не «личной» (*private*) жизни по смыслу ст. 8 Конвенции (§ 42).

Впрочем, ЕСПЧ не нашел нарушения Конвенции, установив следующее: любые неудобства имущественного или миграционного характера, связанные с отсутствием признанной правовой связи между X. и Z., имели гипотетический характер (§ 48); отсутствие регистрации отцовства не могло затронуть достоинство ребенка, тем более что свидетельство о рождении редко используется непосредственно в правоотношениях (§ 49); допущенное ограничение никак не препятствовало заявителю выполнять роль отца «в социальном смысле» (§ 50).

Большой интерес представляет ряд совпадающих и особых мнений, в которых судьи в основном сошлись с большинством во мнении о приемлемости жалобы. При этом судья Л.-Э. Пёттти счел необходимым под-

¹² Здесь и далее постановления и решения ЕСПЧ приводятся по: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 21.05.2019).

черкнуть, что «семья в общем смысле не может быть простым собранием лиц, проживающих под одной крышей. Нельзя не учитывать и недооценивать этический и социальный аспекты семьи»; что касается вывода об отсутствии нарушения, то необходимо было учесть и интерес ребенка в установлении в будущем его биологического происхождения.

В постановлении от 02.10.2012 по делу «Кнехт против Румынии» (жалоба № 10048/10), где в центре спора оказалась процедура экстракорпорального оплодотворения, ЕСПЧ ожидаемо отказался применить доктрину семейной жизни. Заявительница обжаловала действия властей государства, связанные с изъятием эмбрионов, размещенных ею в частной клинике, в рамках уголовного дела против этой клиники, и с последующим отказом возратить эти эмбрионы заявительнице через иное медицинское учреждение, выданное ею по своему усмотрению.

ЕСПЧ согласился с тем, что личная жизнь включает в себя такие понятия, как право на уважение решения человека иметь или не иметь ребенка, в том числе право зачать ребенка с применением вспомогательных репродуктивных технологий (далее — ВРТ) (§ 54).

Далее Суд учел, что спорные эмбрионы все же были переданы на хранение в специализированную авторизованную властями клинику, в связи с чем жалоба в указанной части стала беспредметной (§ 61), и не установил нарушения ст. 8 Конвенции.

В решении от 08.07.2014 по жалобе «Д. и другие против Бельгии» (жалоба № 29176/13) оспаривалось промедление властей Бельгии в разрешении на въезд младенца, рожденного по договору суррогатного материнства бельгийской парой на территории Украины, в связи с несвоевременностью подачи документов, подтверждающих их биологическое родство.

ЕСПЧ привел ряд важнейших доводов о приемлемости жалобы, начав с того, что ст. 8 Конвенции применяется к фактическим семейным отношениям, однако планируемая семейная жизнь также не исключена из объема этой статьи; она может, например, применяться к потенциальным отношениям, которые биологический отец мог бы установить с внебрачным ребенком, или к отношениям, вытекающим из заключения брака, когда семейная жизнь еще не вполне устроена. По-

скольку заявители в настоящем деле предпринимали необходимые действия с тем, чтобы воссоединиться на родине и проживать совместно, их случай попадал под ст. 8 (§ 49).

В то же время ЕСПЧ признал жалобу явно необоснованной ввиду следующего: разлука родителей с ребенком длилась всего около трех месяцев с неоднократными перерывами, при этом они могли предвидеть трудности, связанные с разрешением его въезда в страну, и приготовить все необходимые документы; от государства невозможно требовать, чтобы оно отказалось от идентификации личности ребенка, рожденного в результате суррогатного материнства (§ 58–62).

В постановлении от 26.06.2014 по делу «Меннессон против Франции» (жалоба № 65192/11) обжаловался отказ властей Франции зарегистрировать двух заявителей — мужа (биологического отца) и его жену (которая являлась бесплодной) в качестве родителей детей, родившихся в результате процедуры суррогатного материнства на территории США, на основании законно выданного свидетельства о рождении.

ЕСПЧ подробно не исследовал вопрос о наличии семейных уз между заявителями с одной стороны и детьми с другой. Он лишь сослался на свою прецедентную практику, касающуюся признания государством факта усыновления, установленного иностранным судебным решением. Суд исходил из того, что в данном случае применимо право на уважение как личной, так и семейной жизни (§ 49).

Оценивая вмешательство властей в интересующем нас аспекте, ЕСПЧ указал, что заявителям пришлось бы каждый раз, защищая свои права или получая услуги, представлять выданный в США документ вместе с его официальным переводом, чтобы доказать свою правовую связь с детьми (§ 88). Отсутствие же у детей французского гражданства могло затруднить семейные поездки за границу или их право оставаться в стране по достижении совершеннолетия (§ 89). Также оставался нерешенным вопрос о судьбе детей в случае смерти первого заявителя (биологического отца) или его развода с супругой (§ 91). Однако ЕСПЧ напомнил, что он рассматривает не «потенциальные риски», а «практические трудности» в пользовании правом на уважение семейной жизни; между тем все четверо постоянно проживали совместно во Франции

без всяких к тому препятствий, как обычная семья (§ 92). Следовательно, нарушение права на уважение семейной жизни отсутствовало.

Впрочем, ЕСПЧ нашел нарушение личной составляющей ст. 8 Конвенции в отношении детей, особо отметив наличие у них биологической связи с отцом (§ 100).

ЕСПЧ смог развить свою правовую позицию в *консультативном заключении от 10.04.2019 по запросу Кассационного суда Франции*¹³, который пересматривал дело Меннессон. Отвечая на вопрос о том, требует ли ст. 8 (и в какой форме) признания правовой связи между ребенком, родившимся в результате суррогатного материнства, и предполагаемой матерью, если использовались только половые клетки биологического отца и анонимного донора, он указал следующее. Общий и безусловный запрет на такое признание выходит за узкие пределы усмотрения государства и несовместим с наилучшим обеспечением интересов ребенка, который находится в состоянии правовой неопределенности (§ 46). Тем не менее форма такого признания (использование иностранного свидетельства о рождении или же процедура усыновления) остается на усмотрении стран-членов, если только такая процедура является на практике эффективной и своевременной (§ 55).

Наконец, *постановление от 24.01.2017 по делу «Парадизо и Кампанелли против Италии» (жалоба № 25358/12)* представляет особый интерес, поскольку в нем ЕСПЧ впервые детально рассмотрел вопрос о наличии семейной жизни применительно к использованию ВРТ. Заявители, женатая пара, которая прибегла к услугам суррогатной матери в России, обжаловали решение властей Италии изъять у них ребенка и поместить его в детский дом, а затем передать на усыновление в связи с тем, что биологическое родство ребенка с ними было опровергнуто, а процедура межгосударственного усыновления ими не производилась.

ЕСПЧ начал свой анализ с отличий данного дела от дела Меннессон, в котором биологическое родство между отцом и детьми было доказано и законность

иностранного свидетельства о рождении не подвергалась сомнению (§ 132). Суд в принципе допустил существование семейной жизни и при отсутствии биологического родства, но при наличии полноценных межличностных связей, например между приемными родителями и детьми или между иным лицом и ребенком, о котором оно фактически длительное время заботилось (§ 149–150). В таких случаях ЕСПЧ вынужден использовать своего рода тест на наличие семейной жизни: качество возникших у заявителей связей с ребенком; роль, которую они играли в его жизни; длительность их совместного проживания (§ 151). Продолжительность совместного проживания являлась ключевым фактором, и, хотя устанавливать минимально необходимый промежуток времени было бы неправильно, срок в 8 месяцев был явно недостаточно большим (§ 152–154). При этом убежденность заявителя в наличии его генетической связи с ребенком, опровергнутая результатами анализа ДНК, не компенсировала указанный факт (§ 155). Наконец, власти Италии оперативно среагировали на возникшую ситуацию и начали процесс обустройства ребенка как оказавшегося юридически «в состоянии оставления» (§ 156). В итоге Большая палата не усмотрела наличия семейной жизни по смыслу ст. 8 Конвенции и рассмотрела жалобу по существу в контексте только личной жизни (а именно права заявителей на уважение их желания стать родителями).

Интересно, что именно по этому вопросу мнения судей разошлись диаметрально. И если Г. Раймонди считал, что семейная жизнь не могла иметь место «в результате незаконных действий, нарушающих общественный порядок», то М. Лазарева-Трайковская, Л. Бианку, Ю. Лаффранк и др. указали, что «статья 8 Конвенции не делает различия между „правомерно“ и „неправомерно“ созданной семьей».

Придя же к выводу о соразмерности ограничения прав заявителей, ЕСПЧ исходил из наличия широких пределов усмотрения у государства в неоднозначных этических и медицинских вопросах (§ 195) и необходимости наилучшего обеспечения интересов ребенка по смыслу ст. 3 Конвенции о правах ребенка¹⁴ (§ 208). Он считал, что рассуждения судов «не являлись автоматическими или шаблонными»: во-первых, они

¹³ Advisory opinion concerning the recognition in domestic law of a legal parent-child relationship between a child born through a gestational surrogacy arrangement abroad and the intended mother of 10 April 2019, Request № P16-2018-001.

¹⁴ Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989.

не могли позволить легализовать допущенное заявителями нарушение норм итальянского законодательства об усыновлении и запрета на применение ВРТ гетерологического типа, а во-вторых, они учли, что разлучение в обстоятельствах дела не должно причинить ребенку серьезного и непоправимого вреда (§ 210 и 215); более того, сами заявители по возрасту уже не отвечали требованиям к приемным родителям (§ 214).

2.2. КС РФ в *Определении от 15.05.2012 № 880-О*¹⁵ по жалобе Ч.П. и Ч.Ю. относительно ряда норм Семейного кодекса РФ и Закона об актах гражданского состояния¹⁶ рассмотрел положения, допускающие запись доноров половых клеток (т.е. генетических родителей) в качестве родителей ребенка, родившегося в результате осуществления процедуры суррогатного материнства, лишь при наличии выраженного согласия женщины, выносившей и родившей его (т.е. суррогатной матери).

Суд в мотивировочной части *Определения* отдельно не отметил, можно ли каждого из указанных лиц именовать де-факто родителем такого ребенка, а возникающие между ними отношения — семейной жизнью. Однако нельзя сказать, что этот вопрос вовсе не исследовался. Так, многократно делается ссылка на ч. 1 ст. 38 Конституции, в силу которой семья находится под защитой государства (абз. 1 п. 2, абз. 1 п. 3). В связи с этим особый интерес представляет вопрос, который поставил судья Г.А. Гаджиев в своем мнении по делу: «Является ли суррогатная мать матерью в конституционном смысле... когда суррогатная мать становится матерью и какими являются отношения, возникающие между матерью и ребенком в период беременности?» — И напротив: «С точки зрения медицины, происхождение человека определяется путем установления тождества генов. ...достаточен ли факт генетического родства ребенка для приобретения родительских прав?»

В итоге КС РФ не усмотрел неопределенности оспариваемых законоположений, сочтя, что указанная модель правового регулирования, не будучи единственно

возможной, не выходит за пределы правотворческих полномочий федерального законодателя (абз. 6 п. 3).

Следует отметить, что в последующем *Определении КС РФ от 27.09.2018 № 2318-О* по жалобе С.Д. и С.Т. относительно тех же норм законов, а также Закона об основах охраны здоровья граждан¹⁷ КС РФ подтвердил указанный вывод, однако, следуя позиции Пленума Верховного Суда РФ¹⁸, совершенно справедливо допустил полномочие судов, «учитывая все фактические обстоятельства конкретного дела», «разрешить спор в интересах ребенка». В этом случае суды установили факты злоупотребления суррогатной матерью своими правами (подделку согласия супруга, мотив в виде улучшения жилищных условий и др.) — то, что явным образом отличало это дело от первого и не свидетельствовало явно о нарушении прав заявительницы.

Таким образом, законное установление семейных связей в отношении ребенка теоретически возможно как генетическими родителями (принцип биологического родства), так и суррогатной матерью (принцип «мать определяется беременностью») и, очевидно, ее супругом (при развитии социальных связей с ним). Это, как мы видим, вполне соответствует подходу ЕСПЧ, особенно в делах Д. и других, Парадизо и Кампанелли, о том, что право на уважение семейной жизни может применяться к «потенциальным отношениям», основанным на «биологическом родстве». Как верно отмечено, ЕСПЧ сформулировал «презумпцию *ipso jure* существования семейной жизни» «в отношении детей и их биологических родителей»¹⁹. (Ситуация усложнится, если такой ребенок будет передан компетентным органом на попечение одной из сторон и обретет с нею устойчивый эмоциональный контакт, а вторая сторона решит по прошествии времени оспаривать законность такого решения.)

В любом случае эти интересы защищаются и конституционным правом на неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23), что также согласуется с позицией ЕСПЧ о том, что «решение иметь или не иметь ребен-

¹⁵ Здесь и далее *Определения КС РФ* цит. по: СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния».

¹⁷ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

¹⁸ Постановление Пленума ВС РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей».

¹⁹ Лукашевич В.А. Указ. соч.

ка», включая решение прибегнуть к ВРТ, относится к праву на уважение личной жизни. Следовательно, интересы таких лиц в равной мере подлежали конституционно-правовой защите, а значит, вопрос состоял уже не в интерпретации сферы действия ч. 1 ст. 38 или даже ч. 1 ст. 23, а в оценке правомерности установленного в конкретных делах баланса интересов.

3. Понятие «имущество» и прекращение договора аренды недвижимости

3.1. В прецедентном постановлении от 24.06.2003 по делу «Стретч против Соединенного Королевства» (жалоба № 44277/98) обжаловался отказ муниципальных властей продлить действие договора аренды земельного участка с заявителем, несмотря на наличие в нем условий о возможности такого продления, по мотивам включения этого условия в договор *ultra vires*.

ЕСПЧ, напомнив общие принципы применимости ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции²⁰, отметил, что заявитель заключил договор аренды на срок 22 года на условиях возможности возобновить его действие в будущем еще на 21 год. Он возвел за свой счет производственные строения на арендуемом участке, уплачивал земельную ренту местным властям, заключил договоры субаренды с пользователями этих строений. Он, очевидно, имел ожидания относительно дальнейшей эксплуатации этого участка и строений на нем; при этом местные власти подняли вопрос о невозможности продления договора достаточно поздно, уже в ходе переговоров об этом (§ 34). С учетом названных фактических обстоятельств ЕСПЧ усмотрел наличие имущественных прав у заявителя для целей Конвенции.

В дальнейшем ЕСПЧ не стал устанавливать, имело ли место вмешательство в право пользования имуществом или лишение такого имущества, поскольку применимые принципы в обоих случаях одинаковы (§ 36). Суд счел, что требование пропорциональности не было соблюдено, поскольку местные власти не только взымали земельную ренту с заявителя, но и могли повысить ее размер в случае принятия решения о возобновлении действия договора; отсутствовали интересы третьих лиц или публичные интересы, кото-

рым в этом случае был бы нанесен ущерб; более того, последующие законодательные изменения прямо узаконили такую возможность (§ 39). Кроме того, заявитель, вступая в договорные отношения, мог не знать о существующем ограничении; наконец, возникшие неудобства никак не были компенсированы заявителю (§ 40). С учетом изложенного ЕСПЧ постановил, что ст. 1 Протокола № 1 была нарушена.

В постановлении от 16.11.2004 по делу «Брункрона против Финляндии» (жалоба № 41673/98) ЕСПЧ четко не разделил вопросы применимости ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции и наличия или отсутствия нарушения этой статьи. Заявитель полагал, что его семья, используя для своего поместья два острова с 1720-х гг. и уплачивая налоги с них, приобрела на них право собственности или по меньшей мере постоянное право владения; по этой причине выдача государством третьему лицу лицензии на рыбную ловлю в окружающих водах в 1984 г. и направление в адрес заявителя письма с требованием освободить территорию в 1998 г. составили лишение его права на имущество или, в ином случае, вмешательство в такое право.

ЕСПЧ отметил, что «не находит оснований отклониться от окончательного решения, принятого в ходе национального судебного разбирательства, а именно что отсутствовало как право собственности в строгом смысле, так и постоянное право владения», в связи с чем лишение заявителя любого такого права не могло иметь места (§ 78). В то же время, указал Суд, «события, начавшиеся не позднее предоставления прав на рыбную ловлю третьему лицу в 1984 году, составили вмешательство в имущественный интерес, защищаемый статьей 1 Протокола № 1» (§ 79).

В итоге ЕСПЧ заключил, что способ, которым государство прекратило действие договора аренды земли с заявителем, которой он пользовался почти 300 лет, несовместим с уважением прав, закрепленных Конвенцией; при этом власти никак не компенсировали заявителю неудобства, причиненные этими действиями (§ 86). В итоге Суд так же, как и в предшествующем деле, констатировал нарушение Конвенции.

Постановление от 12.06.2012 по делу «Линдхейм и другие против Норвегии» (жалобы № 13221/08 и 2139/10), хотя бы и косвенно, представляет интерес: ряд землевладельцев-арендодателей полагали на-

²⁰ Подписан в Париже 20.03.1952.

рушенными их право частной собственности в связи с принятием в 2004 г. поправок в ст. 33 Акта о земельной аренде, которые позволили арендаторам, построившим дома для постоянного проживания или отдыха, требовать бессрочного продления срока действия договора аренды на изначально согласованных сторонами условиях. Этому положению сопутствовали поправки в ст. 15 того же Акта, которые допускали увеличение арендных платежей по действующему договору только на величину инфляции, являвшейся незначительной, но не на величину изменения рыночных цен на землю, которые начиная с 1980-х гг. существенно возросли.

Оценивая пропорциональность такой меры, ЕСПЧ привел важный экономико-правовой довод: «...в отличие от нанимателя, который мог бы покинуть занимаемое им жилое помещение вместе со своим движимым имуществом, арендатор имел особый интерес в сохранении возможности оставить свое недвижимое имущество на арендованной земле. Эти интересы, можно добавить, вероятно, были защищены статьей 1 Протокола № 1, как это отмечалось Правительством» (§ 124).

Впрочем, возвращаясь к обстоятельствам дела заявителей, ЕСПЧ все же счел, что было нарушено их право на уважение частной собственности. Суд среди прочего отметил, что «поражен особенно низким уровнем ренты, которую заявители получали согласно условиям договоров аренды», поскольку «любое повышение ренты было бы ограничено лишь учетом изменений индекса потребительских цен» (§ 129). Суд далее указал, что ограничения применялись ко всем договорам с истекающим сроком действия, безотносительно к финансовой состоятельности арендодателя (§ 130). Арендатор мог выбирать, прекратить ли действие договора, выкупить ли участок или же продолжить аренду, что зачастую оказывалось наиболее выгодно (§ 131). В отличие от арендодателя, арендатор — в случае выкупа участка — мог затем продать его по более высокой рыночной цене (§ 132). Наконец, заявители имели разумные ожидания того, что договоры прекратят свое действие согласно договоренностям сторон без вмешательства государства (§ 133). Таким образом, не был соблюден справедливый баланс между интересами собственников земельных участков и собственниками жилых домов, возведенных на них.

В менее известном *решении от 07.01.2014 по жалобе «Станислав Забор против Польши» (жалоба № 33690/06)* рассматривается жалоба заявителя, согласно которой муниципальные власти препятствовали ему в пользовании квартирой, отказываясь признать его правопреемником матери по договору найма жилого помещения, аннулировав его регистрацию по месту жительства в данном помещении и не принимая мер по выселению незаконно проживавшего там брата заявителя.

Начиная свой анализ, ЕСПЧ сослался на постановления по делам Стретча и Брункроны и прямо отметил, что «аренда может рассматриваться в качестве имущественного интереса, пользующегося защитой статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции» и потому данное положение применимо к настоящему делу (§ 76).

Тем не менее ЕСПЧ не нашел факта вмешательства в права заявителя, поскольку, следуя судебным решениям в его пользу, местные власти признали его статус нанимателя (§ 77); иск наймодателя о выселении заявителя был оставлен судами без удовлетворения (§ 78), а что касается аннулирования регистрации, то оно само по себе не лишало заявителя каких-либо прав как нанимателя (§ 80). Кроме того, препятствия в пользовании квартирой, созданные братом заявителя, не могли быть поставлены в вину государству, а бремя задолженности по арендной плате за время фактического отсутствия заявителя не было возложено на него (§ 83). В итоге ЕСПЧ признал обращение явно необоснованным.

3.2. В Определении КС РФ от 06.10.2015 № 2317-О по жалобе ГСК «Полет» относительно ряда изменений земельного законодательства оспаривались нововведения, по смыслу которых публичный собственник (арендодатель) наделялся безусловным правом в одностороннем порядке расторгнуть договор аренды земли, если арендатор не осуществил строительство предусмотренного этим договором объекта в согласованный сторонами срок или не получил разрешения на строительство этого объекта в течение пяти лет с момента его заключения.

В Определении подробно не разъясняется, какими именно конституционными нормами защищаются притязания арендатора земельного участка, несмотря на то, что заявитель апеллировал к ч. 1 ст. 34 и ч. 2

ст. 36, которые защищают право использовать «свое» имущество для предпринимательской деятельности и право собственников распоряжаться природными ресурсами. В итоге же сделан совершенно правильный, на наш взгляд, вывод о том, что такой механизм не может применяться без учета объективных обстоятельств, препятствовавших арендатору своевременно получить разрешение и приступить к строительству. Этот вывод подкреплен тезисом, что иное «нарушало бы баланс конституционно защищаемых прав и законных интересов» (абз. 5 п. 2.1), хотя не указывается, какое именно право или «интерес» противостоит праву собственника распоряжаться своим имуществом и чем содержательно право отличается от законного интереса.

В *Определении от 13.03.2018 № 575-О* по жалобе РО «Московское общество сознания Кришны» относительно ряда норм Гражданского (ГК) и Земельного кодексов ставился сходный вопрос о праве публично-собственника (ссудодателя) прекратить без указания мотивов в одностороннем порядке действие безвозмездного договора ссуды, ранее пролонгированного на неопределенный срок, по которому ссудополучатель приступил к освоению переданного ему участка для дальнейшего строительства на нем храма.

Интересно, что данный акт ссылается на указанное выше Определение, но также опирается на ч. 3 ст. 36 Конституции: «...условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона» (абз. 2 п. 2). Речь здесь может идти, видимо, и о земле как о природном ресурсе, и о земельном участке как объекте гражданских прав. Что же касается ч. 2 ст. 35, то КС РФ трактует ее как защищающую не только собственность, но и владение в качестве «субъективных имущественных прав»²¹. К этому можно добавить, что ч. 1 ст. 34, допуская свободное использование своего имущества для ведения экономической деятельности, судя по всему, не исключает такого использования законного находящегося у лица, например, арендованного имущества. При данном подходе представляется, что автономное толкование «имущества» и «собственности» не было необходимым в этом деле,

поскольку иные вещные права прямо гарантированы в Конституции в отличие от Конвенции.

Как верно отмечается в литературе, ЕСПЧ вынужден широко толковать понятие «имущество», включая в него не только вещи, «которые могут принадлежать частным лицам на праве собственности, но всякое иное имущество, обладающее определенной экономической ценностью (экономические активы)»²². Между тем указанный договор ссуды был заключен изначально менее чем на два года, не содержал каких-либо условий о его продлении и, более того, допускал одностороннее его расторжение в любой момент времени в течение основного срока. С учетом этого говорить об имущественном интересе, подпадавшем бы под защиту ст. 1 Протокола № 1, особенно в ее интерпретации по делу Стретча и остальным, было бы весьма затруднительно.

К сожалению, в итоге Определение ограничивается утверждением о том, что общие положения ГК РФ, определяющие основания и порядок расторжения договора ссуды, способствуют «соблюдению баланса конституционно защищаемых интересов — публичных и частных» (абз. 4 п. 3.2) и что действия собственника подлежат оценке с позиции ст. 10 ГК РФ «при отказе в дальнейшем органа публичной власти как ссудодателя от его возобновления на новый срок» (абз. 5 п. 3.2). Однако обстоятельства дела были таковы, что возобновление договора уже состоялось по молчаливому согласию собственника, и это, надо полагать, способствовало формированию у застройщика правомерных ожиданий, который продолжал инвестировать средства в этот участок. В итоге прекращение действие договора без указания причин и без компенсации произведенных затрат на его освоение затрагивало принцип правовой определенности и принцип соразмерности.

4. Понятие «задержание» и помещение несовершеннолетних под надзор

4.1. В *решении от 12.10.2000 по делу «Кониарска против Соединенного Королевства»* (жалоба № 33670/96) оспаривалось содержание по обращению местных

²¹ Гаджиев Г.А. О субъективном имущественном праве добросовестного владельца // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права. 2005. Вып. 5. С. 271–273.

²² Рожкова М.А. Указ. соч.

органов власти 17-летней заявительницы, ранее судимой, в охраняемом помещении около 5,5 месяцев в связи с ее склонностью причинять физические увечья себе и окружающим.

ЕСПЧ начал с того, что предложил различать данное дело с делом «Нильсен против Дании» 1988 г.²³, где ст. 5 Конвенции не была признана применимой, так как госпитализация осуществлялась по обращению матери в интересах ребенка, тогда как в настоящем деле помещение заявителя в закрытое учреждение осуществлено по решению суда. Далее, власти не оспаривали утверждение заявителя о том, что режим в этом учреждении соответствовал тюрьме среднего и строгого режима для взрослых правонарушителей, в связи с чем имело место лишение свободы по смыслу п. 1 ст. 5.

Однако, указал ЕСПЧ, такая мера может быть обусловлена одной или сразу несколькими целями, перечисленными в данной норме. Так, у заявителя было диагностировано психическое расстройство, кроме того, была установлена его опасность для собственного здоровья и здоровья окружающих, т.е. было соблюдено положение п. «е». Одновременно в учреждении предусматривалась образовательная программа, в рамках которой молодые люди обучались группами и иногда индивидуально, существовали программы по развитию жизненных и социальных навыков. То есть, в отличие от дела «Буамар против Бельгии» 1988 г.²⁴, где заявитель содержался в условиях изоляции и отсутствовал персонал с педагогической подготовкой, соблюдено положение п. «d».

В итоге жалоба была признана явно необоснованной для рассмотрения по существу.

В постановлении от 21.12.2010 по делу «Ичин и другие против Украины» (жалобы № 28189/04 и 28192/04) двое из заявителей, подростки в возрасте 13 и 14 лет, обжаловали помещение их на срок 1 месяц в приемник-распределитель для несовершеннолетних в связи с их участием в качестве свидетелей в уголовном деле о краже.

ЕСПЧ не стал высказывать сомнений в том, имело ли место лишение свободы и задержание по смыслу п. 1

ст. 5 Конвенции, а сразу отметил, что перечень исключений, приведенных в этой норме в качестве законных оснований таких действий, является исчерпывающим и только узкое толкование этих исключений соответствует цели защитить лицо от произвольного лишения свободы (§ 32).

Далее же ЕСПЧ отметил, что заявители были вызваны в суд в качестве свидетелей, а уголовное дело возбуждено в отношении неустановленных лиц, в связи с чем отсутствовали цели, обозначенные в п. «с» указанной нормы. Более того, в период их заключения не производились следственные действия, а уголовное дело в отношении них было возбуждено уже после их освобождения (§ 37). Что же касается п. «d», на который ссылались власти, то он также не был применим, поскольку согласно законодательству данное учреждение предназначалось для временной изоляции несовершеннолетних, в частности обвиняемых в совершении преступления. Из материалов дела также не следовало, что с заявителями велась какая-либо воспитательная работа (§ 39). Следовательно, указал Суд, задержание заявителей имело произвольный характер.

В постановлении от 23.03.2016 по делу «Блохин против Российской Федерации» (жалоба № 47152/06) обжаловалось помещение 12-летнего заявителя (страдавшего к тому же рядом психических заболеваний) в центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП) на срок 30 дней на тех основаниях, что он, во-первых, совершил ряд противоправных деяний, последнее из которых предусмотрено ст. 163 Уголовного кодекса РФ, и, во-вторых, проживал в проблемной семье, где родители были лишены родительских прав, а заботился о нем лишь дедушка.

Большая палата начала свой анализ, согласившись с выводом палаты ЕСПЧ о том, что помещение заявителя в ЦВСНП было «равносильно лишению его свободы», поскольку, в частности, «центр был охраняемым учреждением закрытого типа и содержащиеся в нем несовершеннолетние правонарушители находились под круглосуточным наблюдением, чтобы гарантировать, что они не покинут помещение без разрешения, а дисциплинарный режим обеспечивался дежурным нарядом» (§ 164), при поступлении несовершеннолетних «как правило, обыскивали, изымали у них все личные вещи» (§ 152).

²³ Постановление ЕСПЧ от 29.11.1988 (жалоба № 10929/84).

²⁴ Постановление от 29.02.1988 (жалоба № 9106/80).

Далее ЕСПЧ сосредоточился на вопросе, соответствовало ли такое ограничение прав заявителя п. «d» Конвенции, имея в виду, что остальные возможные положения были неприменимы. В этом отношении Суд установил, что помещение заявителя в ЦВСНП имело целью «исправление поведения», а точнее, предотвращение совершения повторных противоправных действий, и не было связано с необходимостью установления его личности или места жительства или с необходимостью подготовки его возвращения в образовательное учреждение. В любом случае эти основания, предусмотренные российским законом, не включали цели «воспитательного надзора», а лишь цель «временного размещения» (§ 168). Это отличало данную меру от помещения несовершеннолетних в учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (§ 169). В связи с этим ЕСПЧ отметил, что такая цель, как «исправление поведения», фактически совпадает с целью уголовного наказания (§ 171). В итоге ЕСПЧ установил нарушение п. 1 ст. 5, а также ст. 6 Конвенции.

Интересно, что ряд судей во главе с Д. Шпильманном, хотя и согласились с мнением большинства в том, что примененная к заявителю мера не соответствовала ни одному из оснований, указанных в п. 1 ст. 5 Конвенции, сочли, что это не освобождало Суд от проверки соблюдения процедуры, предписанной п. 4 той же статьи, а не ст. 6.

Наконец, в постановлении от 19.05.2016 по делу «Д.Л. против Болгарии» (жалоба № 7472/14) рассматривался вопрос о правомерности помещения 14-летней заявительницы в исправительную школу-интернат на срок не более трех лет в связи с отсутствием в ее отношении адекватного родительского надзора, пренебрежением ею правилами, установленными в кризисном центре для детей (где она находилась ранее), предположительным вовлечением ее в занятие проституцией.

ЕСПЧ достаточно подробно рассмотрел вопрос о применимости п. 1 ст. 5 Конвенции, отметил, что власти государства-ответчика не оспаривали релевантность данной нормы, и напомнив свои выводы по аналогичному делу «А. и другие против Болгарии» 2011 г.²⁵ А именно он заключил, что помещение в по-

добное учреждение «лишало ребенка его свободы, учитывая в особенности систему постоянного надзора, необходимость получения разрешения покинуть помещение и длительность содержания в нем» (§ 69).

Обращаясь к содержанию п. «d» данной нормы, устанавливающего одно из законных оснований такого задержания, ЕСПЧ отметил, что, во-первых, участие в проституции вполне могло рассматриваться в качестве «антиобщественного поведения» (понятие, предусмотренное национальным законом), в связи с чем заявительница могла разумно предвидеть последствия своих действий, а значит, ограничение ее прав было «предписано законом» (§ 73). Во-вторых, в учреждении имелось учебное расписание, предпринимались индивидуальные попытки облегчить трудности в обучении заявительницы, ей была присвоена профессиональная квалификация с целью дальнейшей реинтеграции в общество — иными словами, содержание в этом учреждении преследовало «цель воспитательного надзора» (§ 77). В-третьих, при помещении ее под такой надзор суды учли показания социальных работников, ответственных за заявительницу, исследовали ее семейную обстановку и социальное окружение, а также ее поведение и воздействие ранее предпринятых воспитательных мер, а потому избранная мера не была «произвольной» или «непропорциональной» и не имела карательного уклона (§ 80–81).

В то же время ЕСПЧ установил нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции, поскольку заявительница была лишена свободы на неопределенный срок и в отсутствие периодического судебного контроля необходимости такой меры (§ 89). Впрочем, судья О'Лири отметил, что рассматриваемая мера формально имела воспитательную цель (что отличало указанное дело от дела Блохина 2016 г.), однако по существу преследовала именно цель наказания и в любом случае не была пропорциональной в обстоятельствах дела заявительницы.

4.2. В Определении от 05.11.2002 № 275-О по жалобе Ногликского районного суда относительно ряда норм Закона об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних²⁶

²⁵ Постановление от 29.11.2011 (жалоба № 51776/08).

²⁶ Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

КС РФ впервые кратко коснулся института помещения лиц в центр временного содержания (ранее, что симптоматично, именовавшийся центром «изоляция») несовершеннолетних правонарушителей. Он изучил сугубо процессуальный аспект этого вопроса и не ссылаясь на иные положения Конституции, кроме ч. 2 ст. 118.

В следующем *Определении от 14.05.2013 № 690-О* по жалобе Д.Г. Назармамадова относительно ряда норм того же Закона рассматривался вопрос о том, отвечает ли ст. 46, 49 и иным положениям Конституции помещение заявителя — 17-летнего иностранца в такой центр, притом что основанием являлось лишь возбуждение в отношении него производства по делу об административном правонарушении, а при рассмотрении жалобы на соответствующее решение суда не был вызван подавший эту жалобу адвокат заявителя.

Следует отметить, что КС РФ нигде по ходу решения не упомянул, что данная мера по своей природе представляет собой форму лишения свободы, и не сослался на ст. 22 Конституции. Впрочем, этот вопрос встал бы в полный рост в случае, если бы заявитель, например, настаивал на возмещении вреда, причиненного государственными органами в результате незаконного заключения под стражу (ст. 1070 ГК РФ), поскольку Суду неизбежно пришлось бы осуществить автономное толкование указанных терминов ст. 22 во взаимосвязи со ст. 53 Конституции РФ. Кроме того, оспариваемые нормы закона гласят, что помещение лица в такой центр на основании постановления сотрудника ОВД, т.е. до принятия решения судом, возможно лишь на срок не более 48 часов, что, пожалуй, недвусмысленно указывает на признание самим законодателем этой меры как подпадающей под действие ст. 22. Действительно, в этом случае полностью находят свое отражение объективный (принудительное нахождение под замком, контроль за распорядком лица, длительный срок заключения) и субъективный (отсутствие согласия лица) критерии лишения свободы²⁷. Следовательно, вряд ли есть основания считать, что по указанному вопросу подходы КС РФ и ЕСПЧ принципиально разошлись.

В итоге КС РФ счел, что права заявителя нарушены не были, так как оспариваемое регулирование, во-первых, «не отменяет действие присущих правосудию принципов и гарантий прав участников гражданского судопроизводства» (абз. 4 п. 3), а во-вторых, направлено «на обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по нему постановления» (абз. 7 п. 3). Последний тезис вызывает некоторое беспокойство, учитывая, что данный механизм направлен, как верно указал ЕСПЧ в деле Блохина, на «временное размещение» несовершеннолетнего и, добавим от себя, не является мерой обеспечения производства по делу, как административное задержание (ст. 27.3 КоАП РФ) или помещение в специальные учреждения иностранных граждан, подлежащих административному выдворению (ст. 27.19 КоАП РФ), также представляющие собой случаи лишения свободы.

Видимо, в отличие от правовой природы этой меры, цель ее применения понимается по-разному судами общей юрисдикции, КС РФ и ЕСПЧ.

5. Некоторые теоретические обобщения

Использование автономного толкования позволяет в первую очередь разрешить вопрос о применимости к рассматриваемому спору одного из так называемых субстантивных прав, предусмотренных Конвенцией, а следовательно, с учетом п. 3 ст. 35 Конвенции, и вопрос о приемлемости жалобы *ratione materiae* (т.е. ввиду обстоятельств, связанных с предметом). Конституционно-правовое толкование способно играть ту же роль: согласно п. 8 ч. 2 ст. 37 Закона о КС РФ²⁸ обращение должно содержать ссылку на конкретное положение Конституции РФ, иначе оно может быть сочтено недопустимым; в силу ст. 68 КС РФ прекращает производство по делу, если установит, что вопрос, разрешаемый законом, не получил разрешения в Конституции или по своему характеру и значению не относится к числу конституционных. Отличие состоит лишь в том, что ЕСПЧ квалифицирует фактические обстоятельства дела через призму положений Конвенции, тогда как КС РФ скорее сопоставляет оспа-

²⁷ См.: *Агальцова М.В.* Указ. соч.

²⁸ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

риваемые правовые нормы и институты с Конституцией, что объясняется различиями в компетенции этих органов.

Кроме того, КС РФ, в отличие от ЕСПЧ, предпочитает прямо не использовать такое основание для отказа в принятии жалобы к рассмотрению или прекращения производства по ней, вместо этого часто указывая, что то или иное оспариваемое регулирование относится к законодательной дискреции, а права заявителя нельзя считать нарушенными. По-видимому, это обусловлено тем, что «в принципе любой разрешаемый на нормативно-правовом уровне вопрос может быть оценен как конкретизирующий те или иные конституционные положения, а значит, получивший в ней разрешение, пусть и не всегда прямое»²⁹. Напротив, ЕСПЧ призван рассматривать те вопросы, которые договаривающиеся стороны прямо уполномочили его рассматривать или имели в виду при разработке Конвенции³⁰. Равным образом, в отличие от постановлений ЕСПЧ, постановления КС РФ не содержат отдельного блока о приемлемости жалобы с точки зрения той или иной статьи Конституции, т.е. такие доводы никак не отделены от доводов по существу дела.

Автономное толкование используется ЕСПЧ не только для определения приемлемости жалобы *ratione materiae*, но и при рассмотрении ее по существу (например, автономное понятие «свидетель обвинения») и при решении процедурных вопросов (например, автономное понятие «жертва» нарушения).

Как правило, хотя и не всегда, такое толкование направлено на более широкую и интенсивную защиту прав человека, а не наоборот. То же справедливо и для конституционного правосудия. Впрочем, КС РФ однажды указал, что термин «сведения о судимости» в контексте избирательного законодательства означает «сведения о вынесенном обвинительном приговоре суда, вступившем в законную силу и не отмененном на момент выдвижения» кандидатом

на выборную должность³¹. Иными словами, как точно отметил судья Г.А. Гаджиев, «уголовно-правовому понятию „судимость“ для целей избирательного права было придано автономное значение, более близкое по содержанию к уголовно-процессуальному понятию „осуждение“»³². Это дает правоприменителю основание требовать от кандидата предоставления большей информации, чем прямо предписано законом. Следует оговориться, что этот пример — скорее редчайшее исключение, чем типичный способ использования конституционно-правового толкования.

Относимость того или иного права к конституционно-признаваемому не имеет в некоторых делах критического значения. Так, в российской правовой системе краеугольные принципы Конституции, включая принципы правового равенства и правовой определенности, распространяются не только на непосредственно гарантированные Конституцией права и свободы, но также, например, на право на приватизацию недвижимого имущества³³, право на получение материнского капитала³⁴. Впрочем, ЕСПЧ в некоторых делах сформулировал такой же по существу подход. Он указал, что «запрет дискриминации, закрепленный в статье 14, выходит за рамки пользования правами и свободами, которые Конвенция и протоколы к ней требуют от государства гарантировать. Он относится также к тем дополнительным правам, которые подпадают под общую сферу действия любой статьи Конвенции и которые государство добровольно решило предоставить»³⁵. В ином деле ряд судей выразили предельно схожую мысль: «...всякий раз, когда государство решает урегулировать осуществление деятельности, попадающей в сферу конвенционного права, оно обязано делать это в соответствии с явными и неотъемлемыми требованиями соответствующей статьи Конвенции — например, таким образом, чтобы не создавалась чрезмерная правовая неопределенность для субъекта права»³⁶.

³¹ Определение КС РФ от 10.03.2016 № 450-О.

³² Мнение судьи Г.А. Гаджиева к Определению КС РФ от 27.06.2017 № 1207-О.

³³ Постановление КС РФ от 15.06.2006 № 6-П.

³⁴ Постановление КС РФ от 27.03.2018 № 13-П.

³⁵ Постановление ЕСПЧ от 19.02.2013 по делу «X. и другие против Австрии» (жалоба № 19010/07). § 135.

³⁶ Постановление ЕСПЧ от 21.07.2015 по делу «Олиари и другие против Италии» (жалобы № 18766/11 и 36030/11).

²⁹ Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г.А. Гаджиева. М., 2012.

³⁰ Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: Новые вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 5

Это существенно расширяет поле деятельности высших судов.

Представляется, что необходимость в автономном (конституционном) толковании сведена к минимуму в случаях, когда основное право сконструировано через предельно общие понятия, не имеющие исчерпывающего определения в законодательстве государств-членов (в отраслевом законодательстве), как, например, «частная жизнь», поскольку в этом случае речь скорее может идти о более широком, прогрессивном, или более узком, консервативном, толковании. Напротив, использование этого инструментария неизбежно там, где формулировки Конвенции или Конституции текстуально совпадают с имеющими вполне конкретную сферу действия формулировками ординарного законодательства или тем более заимствованы из него, как, например, используемое в уголовно-процессуальной сфере понятие «задержание», поскольку высокой юрисдикции приходится от него, условно говоря, дистанцироваться.

Рациональное основание не просто желательности, а необходимости конституционного толкования является таким же, как и в случае с автономным толкованием. Если бы федеральный законодатель, урегулировав некоторый частный случай задержания, тем самым мог бы лимитировать действие статьи Конституции о свободе и неприкосновенности, это вступило бы в противоречие с положениями о высшей юридической силе Конституции в системе источников права (ч. 1 ст. 15) и о том, что права и свободы действуют непосредственно и определяют смысл, содержание и применение законов (ст. 18), но никак не наоборот. А с развитием и усложнением правоотношений такое толкование будет развиваться — подобно тому, как, скажем, появление криптовалют, вслед за ценными бумагами, поставило вопрос о признании их «имуществом»³⁷.

Наконец, как видно из проанализированных выше конкретных случаев, подход ЕСПЧ к сфере применения тех или иных прав Конвенции, с одной стороны,

и позиция КС РФ о сфере действия положений Конституции, с другой стороны, по-видимому, не сильно расходятся. Напротив, выводы высших юрисдикций относительно нарушения соответствующих основных прав действиями властей государства или применением оспариваемой нормы в конкретном деле могут отличаться. Как верно отмечено, «центральным вопросом, который разрешается с помощью автономного толкования Конвенции, является определение сферы действия права, а не условия его реализации либо налагаемые ограничения»³⁸. Иными словами, КС РФ может быть согласен с ЕСПЧ в том, что некоторое притязание находится под защитой основного права, но не в том, какие позитивные обязательства или обязательства воздерживаться от вмешательства следуют из него.■

REFERENCES

Agaltsova, M.V. "Autonomous Interpretation of 'Deprivation of Liberty' 'Lawfulness of Detention' and 'Reasonable Suspicion' Concepts in ECHR Practice" [*Avtonomnoye tolkovaniye Evropeyskim sudom po pravam cheloveka ponyatiy "lisheniye svobody", "zakonnost' zaderzhaniya" i "obosnovannost' podozreniya"*], in: Glazkova, M.E., Gracheva S.A. and Nikolaeva, T.A. (eds.). Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights. Iss. 2: 'Autonomous Interpretation' of the Convention and 'Judicial Activism' [*Rossiyskiy ezhegodnik Evropeyskoy konventsii po pravam cheloveka. Vyp. 2: "Avtonomnoye tolkovaniye" Konventsii i "sudeyskiy aktivizm"*]. Moscow, 2016. 656 p.

Bevzenko, R.S. "On Reasonability and desirability of Introducing Building Right into Russian Law" [*O tselesoobraznosti i zhelatel'nosti vvedeniya prava zastroyki v rossiyskoye pravo*]. Statute [*Zakon*]. 2016. No. 6. P. 53–57.

Gadzhiev, G.A. "Subjective Property Right of a *Bona Fide* Owner" [*O sub'yektivnom imushchestvennom prave dobrosovestnogo vladel'tsa*]. Current Problems of Theory and Practice of Commercial Law [*Aktual'nyye proble-*

³⁷ См.: Криптовалюта стала имуществом: и что теперь // Право.ру. 2018. 22 мая. URL: <https://pravo.ru/story/202790/> (дата обращения: 21.05.2019).

³⁸ Лукашевич В.А. Указ. соч.

my nauki i praktiki kommercheskogo prava]. 2005. Iss. 5. P. 269–278.

Gubenko, A.V. “Judicial Practice on the Placement of Juveniles in Juvenile Detention Centres” [*Sudebnaya praktika po delam o pomeshchenii nesovershennoletnikh v tsen-try vremennogo sodержaniya dlya nesovershennoletnikh pravonarushiteley*]. Issues of Juvenile Justice [*Voprosy yuvenal'noy yustitsii*]. 2008. No. 6. P. 11–15.

Kovler, A.I. Evolutionary Interpretation of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and Its Limits: Speech at European College and the Council of Europe Short-term Refresher Courses (Moscow, April 10, 2017) [*Evolyutivnoye tolkovaniye Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod i ego predely. Vystupleniye na Kratkosrochnykh kursakh povysheniya kvalifikatsii EUI i Soveta Evropy (Moskva, 10.04.2017)*].

Lukashevich, V.A. “In Defence of the ‘European Family’: Theory of Autonomous Concepts and Interpretation of Article 8 by the European Court of Human Rights” [*V zashchitu ‘Evropeyskoy sem’l’: teoriya avtonomnykh ponyatiy i tolkovaniye stal’i 8 Evropeyskim sudom po pravam cheloveka*], in: Glazkova, M.E., Gracheva S.A. and Nikolaeva, T.A. (eds.). Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights. Iss. 2: ‘Autonomous Interpretation’ of the Convention and ‘Judicial Activism’ [*Rossiyskiy ezhegodnik Evropeyskoy konventsii po pravam cheloveka. Vyp. 2: “Avtonomnoye tolkovaniye” Konventsii i “sudeyskiy aktivizm”*]. Moscow, 2016. 656 p.

Morshchakova, T.G. “Litigation about a Party and Autonomous Interpretation of Concepts: Legal Position of an Expert of the Constitutional Court of Russia” [*Sudebnaya rech’ o partii i avtonomnoye tolkovaniye ponyatiy:*

pravovaya pozitsiya eksperta v Konstitutsionnom Sude Rossii], in: Ministry of Law: Collected Papers in Commemoration of Professor V.A. Tumanov [*Sluzheniye pravu: pamyati professora V.A. Tumanova posvyashchayetsya: sb. st.*]. Moscow, 2017. P. 87–103.

Rozhkova, M.A. “‘Property’ Concept in the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and in Practice of the European Court of Human Rights” [*K voprosu o ponyatii “sobstvennost” v Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod i praktike Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka*]. Journal of Russian Law [*Zhurnal rossiyskogo prava*]. 2006. No. 12. P. 58–65.

Tumanov, V.A. “Autonomous Interpretation of Concepts in ECHR Practice” [*Avtonomnoye tolkovaniye ponyatiy v praktike Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka*]. Constitutional Law: Eastern European Review [*Konstitutsionnoye pravo: Vostochnoyevropeyskoye obozreniye*]. 2003. No. 3. P. 78–84.

Zorkin, V.D. “Interaction of National and Supranational Justice: New Challenges and Perspectives” [*Vzaimodeystvie natsional'nogo i nadnatsional'nogo pravosudiya: Novye vyzovy i perspektivy*]. Journal of Constitutional Justice [*Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya*]. 2012. No. 5. P. 1–11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel D. Blokhin

Advisor to the Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Senior Lecturer at National Research University Higher School of Economics, PhD in Law (e-mail: pavel.blokhin@ksrf.ru).